

А.М. Баландин

Пермский государственный технический университет

СУДЬБА И РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ТРУДАХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ XIX–XX ВЕКОВ

Рассматривается место старообрядчества в идеологической борьбе России. Проанализированы судьбы старообрядчества, его роль в истории России и Урала, в сохранении старых обычаев и культуры.

Ключевые слова: *церковный раскол, старообрядчество, старообрядческие скиты.*

Преодолев в начале XVII века смуту, Россия вступила в новое столетие, в целом решив проблему не только собирания земель, но и собирания культуры. Но к середине XVII века обстоятельства радикально изменились. Уходила в прошлое «светлая Русь» с ее относительным единством в мировоззрении и поведении людей. Стране предстоял тройкий выбор:

- изоляционизм (путь Аввакума);
- создание теократической вселенско-православной империи (путь Никона);
- вхождение в «концерт» европейских держав (выбор Петра) с неизбежным подчинением церкви государству [1, с.241].

Борьба за выбор развернулась вокруг реформы церкви. Конфликтную ситуацию в этой борьбе обусловили различия в московском и греческом обрядах, причем, что особенно характерно для эпохи XVII века, православные догматы, которые святы и нерушимы, при этом не затрагивались. Победу в этой борьбе одержали сторонники официальной политики, проводимой патриархом Никоном, ориентированным на вселенское (греческое) православие. Эту политику поддержало большинство прихожан, собор и царь Алексей Михайлович. Сторонники древнего благочестия (в лице его главного защитника протопопа Аввакума), отстаивавшие превосходство местного варианта православия, сложившегося в Северо-Восточной Руси в XIV веке, оказались в меньшинстве. Официальная православная церковь в лице своих руководителей и проповедников обвинила сторонников старой веры (старообрядцев) в расколе русской православной церкви (отсюда официальное наименование – раскольники), обличая их в невежестве: «слепые невежды, едва привыкшие читать по складам, не имеющие понятия о грамматике, не то что о риторике, философии и богословии, люди, даже не отведавшие учения, дерзают толковать божественное писание, или, лучше сказать, извращать его, оговаривают и осуждают благоискусных мужей в словянском и греческом языке. Не видят невежды, что у нас исправляют не догматы веры, а только кое-какие выражения, измененные недомыслием и описками не-

вежественных писцов, или невежеством типографских справщиков» [2, с. 395]. Так произошел раскол русского православия, трагические последствия которого сказались (и до сих пор сказываются) на многих событиях истории России, на судьбах миллионов людей нашей страны.

Историю Заволжского старообрядчества, жизнь старообрядцев в раскольничьих скитах, их быт, нравы и психологию описал русский писатель Петр Иванович Мельников (Андрей Печерский) в своих романах «В лесах».

«Почва для церковного раскола в заволжских лесах издавна приготовлена была, когда во второй половине XVII века явились туда новые насельники, бежавшие из сел и городов раскольники».

«Старообрядческие скиты один за другим возникали в лесах Заволжья. В скитах селились старообрядцы разного звания. В первые десятилетия существования раскола от “Никоновых новшеств” бежали не одни крестьяне и посадские люди, не одни простые монахи и сельские попы. Уходили и люди знатных родов, из духовенства даже один архирей сбежал в леса».

«Спервоначально скиты были учреждениями чисто религиозными, как и наши монастыри. Они служили убежищем “не хотевшим новизны Никоновы приятии”, но с течением времени, по мере того как религиозный фанатизм ослабевал в среде раскольников, скиты теряли свой первоначальный характер, превращаясь в рабочие общины с артельным хозяйством. На деле оказалось, что женские скиты были способней усвоить такое хозяйство, чем мужские».

«Во всех общежительских женских скитах хозяйство шло впереди духовных подвигов. В стенах общины каждый день, кроме праздников, работа кипела с утра до ночи. Пряли лен и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и белоручными работами: ткали шелковы пояски, лестовки, вышивали по канве шерстями, синелью и шелком, шили золотом, искусно переписывали разные тетради духовного содержания, писали даже иконы. Все поступало в общину» [3, с. 250–254].

Преследование, гонения на старообрядцев со стороны церкви и светских властей начались сразу после раскола церкви и практически не прекращались до 1905 года, принимая временами жестокие формы (вплоть до сжигания).

Вот как описывает писатель В.Г. Короленко в очерке «В пустынных местах. Из поездки по Ветлуге и Керженцу» судьбу старого «раскола»: от скитов по временам оставались одни головешки, и, долго спустя по уходе никонианской силы, пробираясь по лесным тропкам, «верные» творили над пепелищами надгробное рыдание и открывали под пеплом обугленные кости. И все-таки те скиты не умирали, а возрождались вновь, унося в глубь лесов, в тихие пустыни новую страницу о благолепной смерти еже за веру скитских отцов и матерей. Кто-нибудь из уцелевших сооружал дальнюю келейку, около безмолвного «езера», «гору точию сожигательницу и ручей соседа избравшее». Проходили годы – и пустынное «езеро» оглашалось унылыми и скорбными напевами, а гора покрывалась кельями нового скита.

Но не такова судьба семеновских (Семеновский уезд, по Керженцу и другим лесным речкам) скитов после мельниковского нашествия. Разоренные умелой рукой литератора-чиновника П.И. Мельникова (он в 60-е годы был чиновником особых поручений при Нижегородском губернаторе. – А.Б.), который очень хорошо описывал древлеправославные скиты, но разрушал еще лучше – они не имели уже силы возродиться в других местах и при других обстоятельствах. «Разоренные, так сказать, на самой заре русского обновления, в такое время, когда общее гонение “за веру”, видимо, должно было потерять свою силу, они не имели уже опоры в общих условиях» [4, с. 50].

Роль старообрядцев в истории России велика. «Старообрядцы составляли значительную часть населения России. Они смогли создать особую субцивилизацию в рамках большой православной традиции. В их среде возникла развитая хозяйственная этика, весьма напоминающая трудовую этику протестантизма. Во второй половине XIX – начале XX века старообрядцы контролировали, по многим оценкам, до половины российского капитала. Не удовлетворяясь только предпринимательством, они шли в политику, придерживаясь, как правило, демократических позиций» [5, с. 32], а некоторые – революционных взглядов.

Как свидетельствует П.А. Бурышкин, один из крупных российских предпринимателей начала XX века, в 1919 году министр финансов в правительстве А.В. Колчака, автор книги «Москва купеческая»: «В свое время в Москве очень многие говорили об участии С.Т. Морозова в революционном движении, в конце концов приведшим С.Т. к самоубийству. На революционное движение он давал значительные суммы» [6, с. 128].

Знаток Урала, писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк считает, что «в истории Урала раскол составляет выдающее явление, получившие под влиянием исторических и местных условий совершенно особенную, может быть, слишком интенсивную окраску» [7, с. 176]. «Колонизация Урала почти исключительно обязана раскольникам и почти все Уральские заводы построены раскольничьими руками. Раскол прочно утвердился главным образом на частных владельческих заводах: половина его (т.е. завода. – А.Б.) населения составляли собственно старожилы, т.е. потомки убежавших за Камень раскольников» [7, с. 171].

По мнению Д.Н. Мамина-Сибиряка старообрядцы сыграли заметную роль в восстании Пугачева. «Известно, что один из уральских раскольников, встретив Пугачева за границей, не только дал ему мысль назваться Петром III, но и обещал содействие всех Уральских заводов. Рассматривая план военных действий Пугачева, можно ясно видеть, что первой и главной его целью было добраться до Уральских заводов, где население, наполовину состоящее из раскольников, давно волновалось и готово было встретить Пугачева как освободителя.

Трудно сказать, чем могла разыгаться эта историческая драма, но когда движение на заводы было загорожено, весь план Пугачева был расстроен, и дело проиграно» [7, с. 148].

С точки зрения охранительства «русское старообрядчество получает значение как живое свидетельство того, как строго проводилась эта охранительность. Где незначительная перемена обряда могла показаться новшеством, возмутившим совесть миллионов верующих, там, конечно, были осторожны в этом отношении; и кто знает, от скольких неблагоприятных шагов удержало нас старообрядчество после того, как европейничество охватило русскую жизнь» [8, с. 482].

О том, как сохранились старые обычаи в семьях деревенских староверов, какими ремеслами занимались староверы, повествует очерк очевидца описываемых событий В.Ф. Соколовой (Баландиной), жившей в послевоенные годы в семье старообрядцев поморского согласия:

«Пашка и Макарка Колосовы росли вместе. К началу века староверов в деревне оставалось немного. Семья Пашки по-прежнему крепко держалась старых обычаев. Семья его соседа, Макарки, напротив, напрочь утратила все признаки староверчества. Родители их жили между собою мирно, но не гостились. Разными были их семейные уклады. У Макарки всегда изба нараспашку, у Пашки дом что обитель святая. Все здесь делалось с молитвой, не спеша, обдуманно. В разговоре не повышали голоса. Мужу стоило взглянуть на бабу, та угадывала, что делать. И дети были обучены тому молчаливому и продуманному образу жизни.

К Макарке Пашка запросто заходил в любое время. Здесь затевались шумные игры, беготня по двору, лазанье по сараям и чердакам. Можно было, не спрашивая, напиться воды ковшом из ведра.

Не так было у Пашки. Войдя в избу, нужно было остановиться у порога, перекреститься на образа, с почтением поприветствовать хозяев. Потом смиренно сесть на лавку у порога и ждать, когда с тобой заговорят старшие. Тут, как правило, появлялась бабушка, очень опрятенькая и обходительная старушка. Она часто стряпала и непременно подносила Макарке на блюде кусок пирога, приговаривая добрые слова:

– Поешь, касатик, угостись нашей стряпней.

Такого вежливого обращения Макарка не знал, поэтому такое обхождение ему было приятно.

Любили они и книжки с картинками рассматривать. Засидятся, бывало, пить захочется. Здесь уж не ковшом из ведра. Здесь нужно попросить об этом. И опять бабушка услужливо подносила ему кружку браги (это напиток вроде кваса) или воды. Макарка знал, что эта кружка у них для чужих, сами они одной посудой с мирскими не пользуются. Все это не мешало мальчишкам водить дружбу.

Староверы – люди деловые. Они и зимой времени зря не теряли, занимались каким-нибудь ремеслом. У Пашки в семье сундуки делали. Материал готовили заранее, а зимой допоздна занимались в подклети своим ремеслом. И бабы были к делу приучены. Они резали жесть тонкими полосками, которые потом прибивались на стенке сундука наискось в ту и другую стороны. Получался узор – ровные ромбики. Случалось и Макарке помогать другу Пашке коротать долгие зимние вечера за этой работой» [9, с. 22–23].

«Старообрядцы постепенно потеряли пассионарность и превратились из активного субэтноса в конвиксию. В XX веке у них остались лишь некоторые элементы своего стереотипа поведения» [1, с. 247]. Ныне основная их миссия – это сохранение основополагающих ценностей русского народа и приобщение его к древней культуре, языку и обычаям, служение примером приверженности вере отцов.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: АСТ, Хранитель, 2007.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. Вып. 4, 5. – М.: Книга, 1991.
3. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах: в 2 кн. Кн. 1. – Пермь: Кн. изд-во, 1983.
4. Короленко В.Г. В пустынных местах. Из поездки по Ветлуге и Керженцу // Деревенские летописи. Повести и рассказы писателей конца XIX – начала XX веков. – М.: Современник, 1999.
5. Раков В.М. Историческая память и проблема собирания русской культуры в начале XXI века // Русский мир: сб. – Пермь, 2009. – Вып. 6.
6. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. – Свердловск, 1951.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
9. Баландина В.Ф. Жестокий век. Книгу жизни листая. – Пермь, 2010.

Получено 29.04.2011

A.M. Balandin

Perm state technical university

PREDESTINATION AND ROLE OF OLD BELIEVERS IN THE WORKS OF THE XIX-XX CENTURY WRITERS AND PUBLICISTS

The article investigates the role of Old Believers in the ideological struggle in Russia. Old Believers destinies, their role in the history of Russia and the Urals as well as in retaining old customs and culture are analyzed.

Keywords: raskol, Old Believers, Old Believers Sketes